

Путь Империи

Григорій Хорошко

За всю историю мы тысячи их поведали.
Одни за земли и ресурсы враждовали.
Другие славу имени несли с собой.
Однако лишь распад, в итоге, все познали свой.

Среди миллионов истин есть простой усвой.
Который должен быть всегда с тобой:

Нет вечных войн...
Нет вечных угнетений...
Конец един для всех!
Уж это без сомнений.

***

Мы к славе все идём годами.
Чтобы постичь её за пол часа.
Ведь мир, уже кругом истоптанный ногами.
Рожаем вновь, как будто он роса.

В ней нет того, что можно осязать.
И кажется, что всё в ней вечно.
Однако из неё мы можем истину достать:
Что и она, как всё, конечна.

Она коварной есть для всех.
Для всех слоёв мирских и прочих.
Она окутывает как будто мех.
Забыв про тяжесть слов пророчьих.

В итоге слава, как тот яд.
И тело... дух нам всё порочит.
В ней жизни бьёт скверной набат.
А черт уж о душе томы те строчит.

Однако в мире есть и те, кто совладал с пороком.
Кто все невзгоды повидал.
И примерился с неугодным сроком.

Кто путь с империей прошёл.
И в ней желанное нашёл.
Кто все её дороги предсказал.
И горечи, и радости же с ней познал.

Кто путешествовал по всей земле.
Бывал на всех высотах и на дне.
От Рима и до Вавилона.
Он воссадил же слова на чертоги трона.

Он тот, кто смог познать всё искушения.
Все удовольствия, пороки и лишения.
Кто не имел друзей могучих.
Но сам же не был из неимущих.

Он тот, кто смел впитать могущество и власть.
В миг ощутив коварства сласть.
Ведь он никто иной, как уст новатор.
Великий гражданин оратор!

Его слова по всей империи известны.
Как будто же могучи и небесны.
В них заложил он вечность правды.
Среди огней вселенской жатвы.

Удел его сошёлся в разуме народа.
И в богачах, царях, тех кто без рода.
Он даровал слова свои всем тем, кто слушал.
И мир с покоем не нарушил.

Он не был господином благородным.
Но и не столь уж и безродным.
Имел привычку на народ влиять.
Своё видения на мир же в главы насаждать.

Он слыл среди лиц больших мастей.
Живя в кругу извечных сих страстей.
Бытуя в их рядах как повелитель слов.
Что даровал им явь из дивных снов.

Что слово нёс как то знамение.

Дрожа как то землетрясение.
Весь мир сходил в чуде уст.
Смешав же прелесть слов и чувств.

Те изречения сладки как мёд.
Не тают они как весною лёд.
Летят слова из уст в уста.
Их автора вписав в века.

А сам он лёгок, как перо.
И молод, волен, как вино.
В глазах же толп он есть прекрасен.
Как Аполлон он чист и ясен.

Однако мир его не прост.
К нему не так уж просто проложить тот мост.
Который души единит.
И сердце болью не кровит.

За мантией его могучей.
Скрывался человек, простой, но к людям жгучий.
Его удел был в тишине.
С пером, пергаментом лишь на равне.

И в той же тьме, магичных строф.
Он сложит вечность сих же слов.
У мира прося лишь прощенья.
С собой находя примирение.

***

И вот же сон оратора застал.
В нём дивный мир он поведал.
Бродя средь пламенных лесов.
Желал избавиться он от подобных снов.

Он видел города в огне.
Тела убитых на стене.
Как матери пролили слёзы.
Над ними всеми бушевали грозы.

Кругом цвело зло и коварство.
Он видел, как пало добра же царство.
Весь мир его обрушился в мгновение.
Снискала вся империя забвение.

Прошёл он дальше сквозь сей люд.
Попав на вечной жизни суд.
Не дух его там будут осуждать.
А всю империю, в его лице, карать.

Вошёл в огромный и великий храм.
В миг осознав, что он не сам.
Здесь духи с ним же на равне.
Бытуют в вечной тишине.

Оратор слыл среди них, как мог.
Печаль впиталась в сущность строк.
И видел он в дали порок.
Чертой, что описал сей срок.

Прошёл он чрез суда врата.
Душа его теперь нага.
Среди них он смертный, бранный зверь.
Что в миг ступил за их же дверь.

Его удел ждать свой усвой.
И верить в божества усвой.
Ведь он лишь капля в этот мир.
Что попадёт Богам на пир.

Явилось всё в миг с грозной бурей.
Как будто он вошёл в пчёл улей.
Дрожали стены и горели свечи.
Оратор ждал для сердца сечи.

Он лишь стоял и молча ждал.
Когда войдут все в этот зал.
Но в одиночестве его удел.
В нём сам себя постичь сумел.

И издали раздался крик.

Покой в мгновение то сник.
Окутала же храм весь тьма.
Нарушив глубину ораторского сна.

Он ощутил запал, сомнение...
Печаль, тоску и угнетение.
Его пронзило чувство дали.
С которой злобы набегали.

Ступал откуда тяжкий дух.
Скверня же чувство всё и слух.
Угас запал... ушла печаль.
И всё окутала вуаль.

Оратор стоя пред судом.
Не примерялся всё с тем сном.

— Не уж то-ли всё наяву?
Где в мире этом я слыву...

Он знал, что тьма его не одолеет.
Ведь он борец, он всё сумеет.
Лишь правда есть в его словах.
Что доказал он на делах.

Он на суде, не зная своих прав.
Быть может он объект забав?
Извечно жгут еретика.
Когда должны карать законника.

Мы все лжецы... Мы беглецы.
Как будто дети... сорванцы.
Мы в этом мире строгих прав.
Желаем отыскать себе благой сей нрав.

Какой дороги доброй бы не ожидали.
Нет тех времен, в которые б не враждовали.
Всегда найдётся повод для раздора.
Что все друг другу мним мы в качестве укора.

И точно также видел сей раздор оратор.

Как люд сквернил очередной диктатор.
Гнева, несчастный свой народ.
Сгоняя всех в печали брод.

Взирал оратор страшный суд.
Как мучили его же люд.
А он на это лишь смотрел.
Из храма вечности глядел.

И в миг явились в сей чертог.
Без ноты звука и тревог.
Три духа из других миров.
Гласивших из покон веков.

— Кто мне всё это объяснит?
Зачем народ он мой сквернит.
Зачем слыву в чертоге здесь?
За что такая мне есть месть?
Кто им есть Бог и кто судья?
У каждого судьба своя!
Уйдёт пусть прочь тоска и тень!
Для смерти я найду и лучше день!
Мой дух так просто не достать!
Его не смею я без боя сдать!

— Не нужен нам твой бранный дух.
Твой голос как жужжанье мух.
Для нас он лишь побочный шум.
Что преграждает чувство... ум.
Однако знай, не ты виновен.
Пускай и чёрств, и многословен.
Ты здесь чтобы узреть конец.
Всех этих пагубных сердец.
Народ окончил долгий путь.
Пришла пора с него свернуть.

Гласили духи в тишине.
Лишь с тенью, звуком на ровне.
В чертогах храма... средь магичных строк.
Они явили смертному его итог.

— Коль суд Ваш честен, справедлив.
И не лукав, благочестив.
За что стою пред Вами здесь?
Народ снискал забвения весь.
Чего мне стоит ожидать?
Быть может и несдобровать?
Ведь потерял печали след.
Причин для скорби вовсе нет.
Ведь я слова свои сдержал.
И сделал то, что обещал.
Всё то, что я внимал народу.
Могу сказать я и суду, и богу!
Ведь не желаю видеть словами власть.
Чтоб правде затыкали пасть.
К Вам я явился из миров свободы!
Где правде излагают оды.
Быть может я жестокий господин?
Но право... в мире я такой уж не один.
Я честь держу за всё своё.
Не выношу я грех, враньё.
Ведь как могу я всем гласить.
И словом же своим не дорожить?
Спрошу я Вас в последний раз:
За что стою здесь и сейчас?

— Ты избран был, во благо духа.
Мы повелители острого слуха.
Дошли слова твои до нас.
За них стоишь ты здесь сейчас.

Так молвил тот, что был во тьме.
Лишь с тенью вечной на равне.
Рука дотронулась плеча.
Оратор пожалел, что без меча.

Однако это не был страх.
Ведь явил ему весь крах.
Он приоткрыл ему глаза на мир.
На то, что ждёт его в час буйств задир.

Оратор молча отстоял.

И слово вновь своё он взял.
Отныне горькой правды след.
Застал его в пучине бед.

— Уж я поверить не могу.
Что в мире этом всё слышу.
Прозрение сие есть наш удел.
Империи конец... предел...

— Она конец снискает свой.
Не разделив его с тобой.
Тебя иная ждёт дорога.
Такое есть желание Бога.

— Пускай во тьме ночной, дремучей.
Нас с Вами свёл сей сонный случай.
Однако я избрал свой срок.
С народом вместе мой порок.

— Сей выбор сделан за тебя.
Иная же тебе стезя.
Ступать тебе за солнца луч.
Что с моря выбился из туч.

Он слыл во тьме, средь сих теней.
Что плыли под сей свет огней.
Во мгле ночной и света миг.
Узрел исхода вечный лик.

— Поверьте, все они другие.
В сердцах своих они благие.
Оставьте сей народ без наказания.
И он найдёт своё призвание.

— Давно уже всё решено.
Черту уже подведено.
И час для всех, увы, настал.
Исход их в вечности застал.

Итог ко всем в сей миг пришёл.
Свой путь к народу он нашёл.

И завершился долгий мир.
Началось шествие к Богам на пир.

— За что же жаждите невинной крови?
И так весь мир стоит в пределах голи.
Влечёте всех в свой котёл.
Желая, чтобы каждый к Вам забрёл.
Забыв про свет, лишь зная тьму.
Оставив дух... продав судьбу!
Жестоки Вы! Увы, жестоки!
Ведь Ваш удел лишь гнев, пороки.
Вы в тишине... лишь чтёте сроки.
Что для Вас жизнь... Мгновение слов?
Для Вас она череда оков.
Как много душ предстало пред судом?
Вы всех сожгли своим огнём.
Он жарит пуще пламени костра.
Ведь Ваших слов мелодия остра...
Она как яд вокруг всех губит.
Как тот топор все главы рубит.
Вот жажда Ваша — Ваше рвение!
Чтоб мир знавал лишь боль и угнетение.
И стоило вкусить нам воли.
Как вновь возжаждали Вы крови.

Пронзил чертог сей буйный ветер.
Который дух уж не заметил.
И воцарился грозный гул.
Когда вокруг он дул и дул...

— Гнев твоих слов мы понимаем.
И возражения принимаем.
Однако здесь, оратор, ты не для того.
Чтобы стоять ща своего.
Тебе вручаем божий дар.
Чтобы в пути тебе он помогал:
ПЛЫВИ ТУДА ВЗОШЛО ГДЕ СОЛНЦЕ!
ТАМ ЖИЗНЬ ЖЕ НОВАЯ НАЧНЁТСЯ!
ИЗ ТЬМЫ ПРОБЁТСЯ НОВЫЙ СВЕТ!
ГДЕ БУДУТ ЧТИТЬ БОГОВ ЗАВЕТ!

Оратор слыл средь этих звуков.
Среди цветов и дивных слухов.
Он ощутил сие касание.
Любви, свободы осязание.

Весь свет проникся добротой.
Милуясь чистой красотой.
Он плыл в дурмане дивных снов.
Храня всю вечность этих слов!